
Риск: социально-психологический взгляд

И.Б. Бовина, доктор психологических наук, профессор кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник НИЛ «Научно-методическое обеспечение экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета (innabovina@yandex.ru)

В работе обсуждается проблема риска как составляющая повседневной жизни человека, рассматриваются характеристики риска, специфичные для современного общества. Среди ряда проблем, исследуемых в социальной психологии в связи с риском, предпочтение отдается тому, как люди понимают риск и как действуют, сталкиваясь с ним в повседневной жизни. В фокусе внимания оказываются две традиции социально-психологического изучения проблем риска. В рассмотрении первой речь идет о риске как когнитивной реальности. Его анализ предпринимается в рамках проспективной теории А.Тверски и Д. Канемана, а также на примере рассмотрения нереалистического оптимизма и нереалистического пессимизма. Отмечаются ограничения этой традиции при исследовании риска. Во втором случае речь идет о риске как социокультурной реальности. Обсуждается потенциал теории социальных представлений, позволяющей рассматривать риск в рамках объяснительной схемы более высокого – социетального – уровня. Формулируются перспективы исследования проблем риска в социальной психологии.

Ключевые слова: риск, когнитивная реальность, социокультурная реальность, защитная функция социальных представлений, социальная практика.

Вслед за Г. Брейквел [9] можно сказать, что проблемы риска – это одна из предметных областей, где в последние годы в рамках социальных наук разгораются самые жаркие споры (например, политология, социальная антропология, социология и психология). Дело в том, что представители социальных наук обратились к проблеме, которая принадлежала преимущественно сфере интересов наук естественных, где акцент делался на количественной оценке риска и разработке точного инструмента для реализации данной задачи. Эта позиция вызвала критику со стороны представителей социальных наук, ибо для них важно изучение, какое место занимает риск в жизни человека.

Цель нашей работы заключается в обсуждении социально-психологических традиций анализа риска.

Фокусируя внимание на социально-психологических исследованиях, можно сказать, что существует широкий круг вопросов, изучаемых в связи с рассмотрением риска (например, речь идет о принятии решений или решении задач с риском; о сдвиге риска или поляризации, возникающей при обсуждении этих задач; о склонности к риску; о поведении, связанном с риском; о коммуникативном процессе в связи с риском; о восприятии риска и др.) [1; 3; 9; 13].

Среди этого круга нас интересует понимание человеком риска, как выстраивается поведение в ситуациях, связанных с риском. Необходимость именно такого угла рассмотрения понятна, если учесть, что жизнь человека на протяжении всей истории цивилизации сопряжена с различными видами риска (природные катаклизмы, нападение диких животных или враждебных племен), она никогда не была надежной и гарантированной от неблагоприятных событий, случайностей, неожиданностей, опасностей, неопределенности. Люди стремились не только понять риск (апеллируя к соответствующим объяснительным схемам в различные эпохи), но и установить контроль над ним. Так, для одного времени все, связанное с риском, угрожавшее человеку, связывалось с понятием судьбы, рока, для другого – более характерным стало рассмотрение риска в связи с понятием вероятности. В одну эпоху люди пытались установить контроль над риском посредством использования магии, в другую – обращаясь к помощи экспертов [13].

Риск, присущий современному обществу, достаточно точно охарактеризован У. Беком. Так, процессы модернизации и глобализации порождают новый риск, который: 1) выходит за *временные ограничения*, ибо может воздействовать на будущие поколения; 2) преодолевает *пространственные границы*, ибо выходит за различного рода национальные границы, наконец, 3) для этого риска не существует *социальных границ*, ибо он затрагивает судьбы большого числа различных людей [9].

Среди ряда исследовательских традиций, в рамках которых изучаются проблемы риска в социальной психологии [9; 13-15], с определенной степенью условности можно выделить две.

С одной стороны, речь идет о традиции изучения риска как *когнитивной реальности*, с другой – как *социокультурной* [13]. В первом случае индивид, оценивающий риск, рассматривается как рациональный, просчитывающий вероятность события, избегающий ситуаций, связанных с риском, или минимизирующий воздействие риска. В рамках этой традиции существует много

работ, связанных с принятием решений в ситуации неопределенности, с восприятием и оценкой риска, важным конструктом этой традиции оказывается волевой контроль. Среди них можно указать проспективную теорию А.Тверски и Д. Канемана, описывающую, как индивиды сравнивают альтернативы [3; 22]. Два понятия этой теории важны для понимания: риск «рамочный эффект» и функция субъективной ценности (гипотетическая функция ценности).

Суть «рамочного эффекта», продемонстрированного А.Тверски и Д. Канеманом, заключается в том, что различные способы представления одних и тех же альтернатив ведут к различным решениям. Если одну и ту же информацию сформулировать в терминах выигрышей, предпочтение отдается безопасным и более надежным решениям, а если в терминах проигрышей, более рискованным. С точки зрения Г. Блесса с коллегами [7], появление «рамочного эффекта» определяется процессом трансформации объективной информации в субъективную.

А. Ротман и П. Саловой [21], развивая идеи проспективной теории в области здоровья, предложили некоторое уточнение, а именно – за счет различения двух типов поведения. С одной стороны, имеет место превентивное поведение (например, использование солнцезащитного крема или выполнение физических упражнений), с другой – поведение, связанное с обследованием состояния здоровья (например, маммография или обследование кожи). Если в первом случае уровень риска невысок, то во втором случае поведение потенциально связано с риском, ибо в результате исследования у человека может быть обнаружено опасное заболевание. Учет этой дихотомии в исследованиях показал следующие результаты [20; 21; 23]. В первом случае более эффективна информация, сформулированная в терминах выигрышей, призывающая к выполнению поведения, связанного со здоровьем, во втором случае – информация, которая сформулирована в терминах потерь, так как выполнение обследования может позволить человеку принять срочные меры для предотвращения болезни. Таким образом, использование различных формулировок одного и того же события заставляет индивида почувствовать свою уязвимость и предпринять действия, направленные на снижение риска привычных действий.

Другое понятие проспективной теории – функция субъективной ценности – представляет собой S-образную кривую (вогнутую в области выигрышей и выпуклую в области потерь). Действие таково, что разница в субъективной ценности между выигрышем в 5 и в 10 долларов больше, чем разница в случае выигрышей в 50 и 55 долларов. Так, согласно этой идее, защитное поведение, которое снизит вероятность ущерба с 0,1 до 0, будет рассматриваться как обладающее большей ценностью, чем то, которое сможет снизить вероятность ущерба с 0,2 до 0,1. При снижении абсолютной вероятности на одинаковое значение эффект рассматривается как разный, ибо в одном случае имеет место полное устранение ущерба, а в другом – его частичное снижение [9].

Особое место среди исследований проблем риска в социальной психологии занимают работы, посвященные феноменам *сравнительного оптимизма* и *сравнительного пессимизма* [12; 26; 27]. Изучение оптимизма как когнитивной пристрастности (иллюзии, иногда даже принято говорить стилиа атрибуции) восходит к идее Н. Вейнштайна [26], согласно которой большинство людей считают, что вероятность негативных событий для них ниже, чем для других, похожих на них, а вероятность позитивных событий для них выше, по сравнению с похожими

другими. Этот феномен получил название «нереалистического оптимизма» (или оптимистической пристрастности), ибо большинство не может быть *лучше*, чем «средний индивид», с которым они себя сравнивают. По сути, индивид оказывается во власти эгоцентрической иллюзии, приписывая себе причины позитивных событий, а негативных – другим. С точки зрения Н. Вейнштайна, в основе «нереалистического оптимизма» лежит ошибка, связанная с обработкой информации в силу отсутствия популяционного знакомства с событиями, вероятность которых требуется оценить, в силу переоценки собственных способностей и умений [27].

Этот феномен был неоднократно продемонстрирован в эмпирических исследованиях на примере различных болезней, угроз здоровью, к примеру, нереалистический оптимизм наблюдался в случае возникновения наркотической зависимости, злоупотребления алкоголем, попытки совершения суицида, заболевания астмой, пневмонией, возникновения нервного срыва, раком легких или кожи и пр. Возникновение пристрастности не зависит от таких факторов, как возраст, пол, уровень образования или род занятий испытуемых. Как утверждают исследователи, свыше 95 % населения подвержены этой пристрастности в отношении множества ситуаций, связанных с риском [13-15]. Масштабы действия этого механизма заставляют серьезно задуматься, как нужно представлять информацию о различного рода рисках и угрозах человека, чтобы он чувствовал себя уязвимым.

Тем не менее, есть факторы, некоторым образом влияющие на возникновение нереалистического оптимизма. Так, важный фактор воспринимается ли риск как предотвратимый или нет: люди в большей степени демонстрируют нереалистический оптимизм тогда, когда риск воспринимается как предотвратимый. Другой фактор, влияющий на возникновение этого феномена, с кем себя сравнивают индивиды. В том случае когда вместо «типичного другого», «среднего другого» или «такого же, как и Вы» предлагалось подставить одного из близких друзей, брата или сестру (в зависимости от пола респондента), родителя того же пола, нереалистического оптимизма не возникало. Возможно, это обусловлено тем, что близкие люди являются продолжением оцениваемого индивидом self [13]. Еще одной переменной, которая снижает вероятность возникновения нереалистического оптимизма, является непосредственный опыт индивида. Так, было показано, что наличие опыта переживания землетрясения снижает вероятность нереалистического оптимизма индивидов в отношении землетрясения, но не других событий, которые угрожают человеку [9].

Противоположный феномен «нереалистический пессимизм», когда воспринимаемая вероятность события переворачивается: негативное событие рассматривается как более вероятное для себя, чем для другого, а позитивное – наоборот [11].

Возникновение нереалистического оптимизма характерно для ситуаций, которые находятся под контролем индивида, при отсутствии такого контроля и возникает противоположный феномен – нереалистический пессимизм. Именно такой оказалась ситуация взрыва на Чернобыльской АЭС в 1986 году с последующим распространением радиоактивного загрязнения. Нереалистический оптимизм возникает в ситуации, когда индивиды сталкиваются с привычной, знакомой

ситуацией, потенциально возможной, которая скорее касается не большого числа людей, а носит «выборочный» характер. В противном случае, как показывают Долински с коллегами (на примере польских студентов, участвовавших в исследовании в мае 1986, когда радиоактивное облако прошло над европейскими странами), возникает нереалистический пессимизм [там же]. Результаты, полученные Долински, интересны и тем, что позволяют говорить о необходимости выделения характеристик риска (например, риск контролируемый-неконтролируемый, индивидуальный-коллективный, потенциальный-реальный, известный-неизвестный), с учетом которых можно строить предположения в отношении поведения людей, сталкивающихся с ситуациями, где ключевой оказывается та или иная характеристика риска.

Объяснительная сила теорий¹, о которых мы говорили выше, рассматривает риск как когнитивную реальность, а индивида – как рационального, просчитывающего вероятность того или иного события, соответствует интраиндивидуальному и интерперсональному уровням (в терминах В. Дуаза [10]). Однако если учитывать характеристики риска, указанные выше, объяснительной силы теорий этих уровней едва ли будет достаточно для прояснения, как человек представляет риск и строит свое поведение в соответствии с этим. Более того, рассмотренная выше традиция изучения риска едва ли применима в ситуациях столкновения с новыми угрозами и опасностями, в условиях, связанных с новым, неизвестным риском.

Пониманию риска как когнитивной реальности противостоит рассмотрение его как реальности социокультурной. Важный вклад в такое его понимание вносят идеи М. Дуглас [13], согласно которой, риск не является абсолютной данностью, он политизируется и морализируется посредством выбора и социального конструирования. Никакое объективное знание не позволяет отрицать положение, что принятие риска и избегание риска, разделенное доверие и разделенный страх, все это части диалога относительно того, как наилучшим способом организовать социальные отношения.

Риск, касающийся здоровья, например, может быть понят индивидами, только если будет трансформирован в субъективную реальность, в жизненный опыт, ибо люди не могут оставаться в отстраненной позиции специалистов-демографов, когда речь идет о собственном здоровье [там же].

С нашей точки зрения, продуктивной теоретической рамкой для изучения риска как *социокультурной реальности* [там же] оказывается теория социальных представлений. Здесь в фокусе внимания оказывается попытка индивида понять риск посредством конструирования представлений и действовать в соответствии с этим пониманием.

Риск, с точки зрения этой теории, является социальной и культурной конструкцией, то, как мы его интерпретируем, в широком смысле зависит от социальных норм и ожиданий, а также от исторической эпохи и социального

¹ Мы не ставим здесь своей задачей рассмотреть все социально-психологические теории, применимые для анализа риска (анализ риска в связи с проблемами здоровья и болезни представлен в нашей работе [2]). Нашей главной задачей является обсуждение двух традиций изучения, в русле которых предлагается способ понимания риска – как когнитивной реальности и социально-культурной.

контекста. Отсюда оценка риска выходит за рамки интраиндивидуального или интерперсонального уровней. Объяснительная сила данной теории такова, что позволяет анализировать риск на самом высоком уровне, доступном социально-психологической теории, социетальном [10].

Социальные представления можно определить как цепочку идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом [17; 18]. Это способы объяснения реальности, которые люди вырабатывают в ходе внутригрупповых коммуникаций. Социальные представления выполняют ряд функций. Одна из них может быть обозначена как защитная, ибо это трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего в известное. В повседневной жизни индивида постоянно подстерегают неожиданности, странности, непривычные факты, идеи, но индивид должен сохранить свою внутреннюю картину мира непротиворечивой. Для этого ему необходимо сделать необычное обычным, т. е. произвести некоторые изменения в структуре знаний и оценок [4].

Принимая во внимание эту *защитную* функцию представлений, можно говорить, что социальные представления являют собой способ символической борьбы с угрозой [24], когда материальный способ нам недоступен. Ибо реальный способ борьбы – удел политиков, ученых, инженеров, врачей, словом, экспертов, способных предпринимать реальные действия в отношении различного рода угроз. В то же самое время можно заметить, что знание, которым мы обладаем, способно «защитить» нас от принятия нового способа объяснения [16]. Таким образом, посредством конструирования социальных представлений открывается возможность вписать нечто угрожающее в рамку существующих идей, что позволит сделать это неизвестное и пугающее – знакомым и обычным [17].

Представления социально выработаны и разделены. Они порождаются в коммуникациях, в бесчисленных диалогах. Появляясь таким образом, они выполняют *еще одну функцию* облегчение осуществления коммуникаций.

Ориентация поведения индивидов и оправдание их социальных отношений также являются функциями социальных представлений. Представления содержат предписания в отношении поведения, связанного с объектом представлений. Наконец, представления принимают участие в конструировании и поддержании социальной идентичности индивидов.

И. Боннек отмечает, что в различных ситуациях преобладают те или иные функции социальных представлений [8]. В случае исследования социальных представлений о риске преобладают две функции: защитная, а также функция ориентации поведения и оправдания социальных отношений. Как действуют именно эти две функции социальных представлений, можно пронаблюдать в работе Ж. Пейшлер [19], посвященной социальным представлениям о ВИЧ и превентивным стратегиям поведения. Автор выделяет социальные представления в различных группах и прослеживает стратегию сексуального поведения. Среди различных стратегий поведения (которые оправдываются соответствующими представлениями о ВИЧ-инфекции) можно, в частности, указать на следующие: видение риска ВИЧ-инфицирования как катастрофы в сочетании с невозможностью каким-то образом защититься от этой угрозы соответствовало стратегии воздержания от сексуальных контактов. Использование механизма «не-я» [2]

«другие» как защиты от риска заболевания без использования презервативов соответствовало стратегии выбора сексуальных партнеров «из своего круга», когда приписывание болезни «другим» выполняло роль символической защиты. Присутствовала комбинированная стратегия выбора партнера и использования презервативов, что соответствовало пониманию неопределенности мира, в котором невозможно полагаться на партнера. Наконец, стратегия множественных контактов с разными партнерами без использования презервативов и выбора партнеров соответствовала игнорированию риска ВИЧ-инфекции.

Хотя область здоровья представляет большой интерес для нас с точки зрения исследования представлений о риске и рискованного поведения, но не является единственной. В работе Э. Вебер с коллегами [25] предлагается выделять пять основных сфер, связанных с рискованным поведением: 1) *финансовая сфера* (инвестирование и азартные игры), 2) *здоровье и безопасность* (вредные привычки, рискованное сексуальное поведение, игнорирование использования ремней безопасности и пр.), 3) *развлечения* (экстремальные виды спорта), 4) *этическая сфера* (связанная с совершением поступков, нарушающих этические нормы. Авторы предлагают такие ситуации: плагиат, мелкие кражи в магазинах, уход от уплаты налогов и пр.), 5) *социальная сфера* (несогласие с другими).

Оставляя в стороне анализ позиций авторов относительно способов диагностики каждого типа рискованного поведения, отметим, что сама идея обозначения различных сфер рискованного поведения видится достаточно любопытной и потенциально применимой в исследованиях социальных представлений о риске в связи с различными типами рискованного поведения. В частности, можно отметить, что таким образом перед нами открывается возможность анализировать особенности социальных представлений о риске в различных группах людей, имеющих опыт рискованного поведения того или иного типа, что в итоге позволит рассматривать факторы динамики социальных представлений о риске в связи с определенной социальной практикой.

Наряду с такой исследовательской перспективой анализ представлений о риске важен для разработки такой области знания, как экстремальная психология, которая активно развивается в последнее время [5; 6]. С нашей точки зрения, один из любопытных аспектов анализа здесь связан с представлением о риске среди тех, кто имеет опыт переживания коллективного риска (различного рода аварии и катастрофы), другой аспект связан с изучением профессиональных социальных представлений у представителей профессий особого риска. Оба эти аспекта позволяют давать ответ на все тот же интересующий нас вопрос о структуре представлений в связи с различными социальными практиками.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Социально-психологический анализ группового решения задач. Дисс. ... канд. наук. М., 1998.
2. *Бовина И.Б.* Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы. Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2009.
3. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4.
4. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
5. *Коноплева И.Н.* Эффективность тренингов для подготовки сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных условиях // Электронный журн. «Психология и право». 2011. № 1 (<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/>)
6. *Яковенко С.И.* Опасность и риск в контексте профессионально-психологической подготовленности сотрудников органов внутренних дел // Указ. изд.
7. *Bless H., Betsch T., Franzen A.* Framing the framing effect: the impact of context cues on solutions to the 'Asian disease' problem // European journal of social psychology. 1998. Vol. 28. № 2.
8. *Bonnec Y.* Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // La mémoire sociale: identités et représentations sociales / Sous la dir. de S. Laurens, N. Roussiau. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002.
9. *Breakwell G.M.* The psychology of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. *Doise W.* Levels of explanation in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

11. *Dolinski D., Gromski W., Zawisza E.* Unrealistic pessimism // Journ. of Social psychology. 1987. Vol. 127.
12. *Endo Y.* Optimistic and pessimistic biases and comparative judgmental process in Japan: Do people really compare themselves to their peers? // Asian Journ. of Social Psychology. 2007. № 10.
13. *Joffe H.* Representations of health risks: what social psychology can offer health promotion // Health education journal. 2002. Vol. 61. № 2.
14. *Joffe H.* Risk and «the Other». Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
15. *Joffe H.* Risk: from perception to social representation // British journ. of social psychology. 2003. Vol. 42.
16. *Lorenzi-Cioldi F., Clémence A.* Group process and the construction of social representations // Blackwell handbook of social psychology: group processes / Eds. M.A. Hogg, R.S.Tindale, Malden: Blackwell Publishing, 2003.
17. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P.: Presses Universitaires de France, 1961.
18. *Moscovici S.* The history and actuality of social representations // The psychology of the social / Ed. by U. Flick, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
19. *Paicheler G.* Perception of HIV risk and preventive strategies: a dynamic analysis // Health, 1999. Vol. 3. № 1.
20. *Rivers S., Salovey P., Pizarro D., Pizarro J., Schneider T.* Message framing and Pap test utilisation among women attending a community health clinic // Journ. of health psychology. 2005. № 10.
21. *Rothman A.J., Salovey P.* Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing. Psychological Bulletin. 1997. Vol. 121. № 1.

22. *Tversky A., Kahneman D.* The framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. № 211.
23. *Van 't Riet, Ruiter R.A.C., Werrij M.Q., de Vries H.* What difference does a frame make? Potential moderators of framing effects and the role of self-efficacy // The European health psychologist. 2009. Vol. 11.
24. *Wagner W., Kronberger N.* Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène, Oxford: Blackwell Publishers, 2001.
25. *Weber E. U., Blais A.-R., Betz N.* A domain-specific risk-attitude scale: measuring risk perceptions and risk behaviors // Journ. of Behavioral Decision Making. 2002. Vol. 15.
26. *Weinstein N.D.* Unrealistic optimism about future life events // Journ. of personality and social psychology. 1980. Vol. 39.
27. *Weinstein N.D.* Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community wide sample // Journ. of behavioural medicine. 1987. Vol. 10.

Risk: a socio-psychological perspective

I.B.Bovina, doctor of psychology, professor, chair of criminal psychologym department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education, senior researcher, Scientific Research Laboratory "Scientific-methodological support of urgent psychological help", Center of urgent psychological help, Moscow State University of Psychology and Education (innabovina@yandex.ru)

The contribution discusses the problem of risk as a component of the man's everyday life, examines the characteristics of risk specific for the modern society. Among a number of problems studied in social psychology in relation to risk, emphasis is made on how people understand risk and how they act when facing risk in everyday life. The attention is focused on two traditions of socio-psychological research of the problems of risk. The first views risk as a cognitive reality. It was analysed within the framework of the prospect theory of Tversky and Kahneman, as well as on the example of examination of unrealistic optimism and unrealistic pessimism. Limitations of this tradition in case of study of risk are indicated. In the second case the risk is considered a sociocultural reality. The potential of the social notions theory which allows to regard risk within the framework of an explanatory scheme of a higher - societal - level, is discussed.. The prospects of risk problems research in social psychology are formulated.

Keywords: risk, cognitive reality, sociocultural reality, protective function of social notions, social practice.

References

1. *Bovina I.B.* Social'no-psihologicheskij analiz gruppovogo reshenija zadach. Diss. ... kand. nauk. M., 1998.
2. *Bovina I.B.* Social'nye predstavlenija o zdorov'e i bolezni: struktura, dinamika, mehanizmy. Diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 2009.
3. *Kaneman D., Tverski A.* Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 4.
4. *Doncov A.I., Emel'janova T.P.* Koncepcija social'nyh predstavlenij v sovremennoj francuzskoj psihologii. M., 1987.
5. *Konopleva I.N.* Jеffektivnost' treningov dlja podgotovki sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov k dejatel'nosti v jekstremal'nyh uslovijah // Jelektronnyj zhurn. «Psihologija i pravo». 2011. № 1 (<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/>)
6. *Jakovenko S.I.* Opasnost' i risk v kontekste professional'no-psihologicheskoj podgotovlennosti sotrudnikov organov vnutrennih del // Ukaz. izd. Bless H., Betsch T., Franzen A. Framing the framing effect: the impact of context cues on solutions to the 'Asian disease' problem // European journal of social psychology. 1998. Vol. 28. № 2.
7. *Bonnec Y.* Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // La mémoire sociale: identités et représentations sociales / Sous la dir. de S. Laurens, N. Roussiau. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002.
8. *Breakwell G.M.* The psychology of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
9. *Doise W.* Levels of explanation in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
10. *Dolinski D., Gromski W., Zawisza E.* Unrealistic pessimism // Journ. of Social psychology. 1987. Vol. 127.
11. *Endo Y.* Optimistic and pessimistic biases and comparative judgmental process in Japan: Do people really compare themselves to their peers? // Asian Journ. of Social Psychology. 2007. № 10.
12. *Joffe H.* Representations of health risks: what social psychology can offer health promotion // Health education journal. 2002. Vol. 61. № 2.
13. *Joffe H.* Risk and «the Other». Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

-
14. *Joffe H.* Risk: from perception to social representation // British journ. of social psychology. 2003. Vol. 42.
  15. *Lorenzi-Cioldi F., Clémence A.* Group process and the construction of social representations // Blackwell handbook of social psychology: group processes / Eds. M.A. Hogg, R.S. Tindale, Malden: Blackwell Publishing, 2003.
  16. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P.: Presses Universitaires de France, 1961.
  17. *Moscovici S.* The history and actuality of social representations // The psychology of the social / Ed. by U. Flick, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
  18. *Paicheler G.* Perception of HIV risk and preventive strategies: a dynamic analysis // Health, 1999. Vol. 3. № 1.
  19. *Rivers S., Salovey P., Pizarro D., Pizarro J., Schneider T.* Message framing and Pap test utilisation among women attending a community health clinic // Journ. of health psychology. 2005. № 10.
  20. *Rothman A.J., Salovey P.* Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing. Psychological Bulletin. 1997. Vol. 121. № 1.
  21. *Tversky A., Kahneman D.* The framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. № 211.
  22. *Van 't Riet, Ruiter R.A.C., Werrij M.Q., de Vries H.* What difference does a frame make? Potential moderators of framing effects and the role of self-efficacy // The European health psychologist. 2009. Vol. 11.
  23. *Wagner W., Kronberger N.* Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène, Oxford: Blackwell Publishers, 2001.
  24. *Weber E. U., Blais A.-R., Betz N.* A domain-specific risk-attitude scale: measuring risk perceptions and risk behaviors // Journ. of Behavioral Decision Making. 2002. Vol. 15.
  25. *Weinstein N.D.* Unrealistic optimism about future life events // Journ. of personality and social psychology. 1980. Vol. 39.
  26. *Weinstein N.D.* Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community wide sample // Journ. of behavioural medicine. 1987. Vol. 10.